

С.В. Кирибаум

О границах свободы

Светлана Викторовна Кирибаум – доктор философии, научный сотрудник. Отделение славистики / Институт русской культуры им. М.Ю. Лотмана, Рурский университет Бохума, Германия. Ruhr-Universität Bochum, Seminar für Slavistik/Lotman-Institut für russische Kultur, Universitätsstr. 150, 44780 Bochum, Deutschland; e-mail: svetlana.kirschbaum@rub.de

Вопрос о границах свободы можно поставить не только в философском, но и в лингвистическом ключе. Тогда на первый план выйдет такая характеристика свободы, как полисемия, и ее границей окажутся другие значения этого слова, включая синонимические. Словари пытаются отграничить одно значение от другого, но на практике все оказывается сложнее. Строгий лексический и семантический словарный порядок может нарушаться, значения смешиваться или подменяться одно другим. Свобода и воля как раз представляют собой такой случай. Если в «Толковом словаре» В.И. Даля практически не делается разницы в определении этих двух слов, то Г.П. Федотов в своей публицистической статье «Россия и свобода» разделил понятия «свобода» и «воля», превратив их в антонимы. Воля получила у Федотова негативную характеристику, а его постулат о русскости воли стал исходным пунктом размышлений о русской свободе в когнитивной лингвистике. Если для Даля свобода и воля – это синонимы, то современные словари фиксируют их полное семантическое совпадение только в одном пункте – когда речь идет о нахождении вне тюрьмы. Через эту лазейку, однако, данные понятия могут проникать на территорию друг друга, и разговор о свободе может подменяться разговором о воле. В данной статье будет сделана попытка проследить взаимоотношения, взаимоограничения и взаимопроникновения понятий свободы и воли, следствием которых, как представляется, и становится их возможная взаимозаменяемость в русском публицистическом дискурсе.

Ключевые слова: свобода, воля, полисемия, общество, власть, насилие

Г.П. Федотов, говоря о том, что «слово “свобода” до сих пор кажется переводом французского *liberté*» и что «никто не может оспаривать русскости “воли”», очевидным образом не имел в виду этимологию¹. В обратном случае нетрудно было бы указать как на славянские корни свободы, так и на связь воли (в значении осознанного желания, способности принимать решения и осуществлять поставленные цели) с фр. *volonté*, нем. *Wille*, англ. *will*, что, собственно, и было уже неоднократно проделано исследователями².

¹ Федотов Г.П. Россия и свобода // Новый журн. Нью-Йорк, 1945. № 10. С. 198.

² См.: Варзин А.В. «Свобода» в словарной фиксации XIX – начала XX в.: отражение трансформации смыслов под влиянием либеральной идеологии // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 206; Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001. С. 241.

Посвящая свою статью «Россия и свобода» различию между этими двумя словами «для русского слуха», Федотов не собирался ограничивать свою задачу исключительно лингвистическим анализом. В основе его концептуальных построений лежат наблюдения над русским историческим процессом, в котором он отметил сменность «петербургского» и «московского» периодов в развитии русской государственности. «Петербургский» период знаменовался для него культуроцентричной западной свободой, в «московский» – перевешивала русская дикая воля. Впрочем, и сама историософская концепция, представленная в его статье, – скорее всего не самоцель, а фигура аргументации, подводящая к выводу о «московскости» (читай: насильственности) Октябрьской революции³. Поэтому можно допустить, что понятия «свобода» и «воля», использованные Федотовым для концептуализации истории, являются условными, не отражающими не только языковую ситуацию, но и историческую реальность⁴. «Идеал русской воли», находящий себе выражение «в культуре пустыни, дикой природы, кочевого быта, цыганщины, вина, разгула, самозабвенной страсти, – разбойничества, бунта и тирании»⁵, напоминает, за исключением, пожалуй, тирании, идеалы романтизма (не только русского). Период свободы, начавшийся в русской истории, согласно Федотову, с Петра I и закончившийся с Революцией 1917-го г., представляет собой исторический промежуток, в котором были и разгулы, и бунты. Но все же не вполне достаточно рассматривать определение Федотовым свободы и воли исключительно как «результат философской интерпретации»⁶. Операционализируя эти понятия через градус насилия в обществе и над обществом, Федотов использует их не только для описания русской истории, но и вполне в прагматических целях, призывая западное сообщество помочь воскресить к свободе «тоталитарный труп»⁷ советской Московии.

Федотов определяет волю следующим образом: «Воля есть прежде всего возможность жить, или пожить, по своей воле, не стесняясь никакими социальными узами, не только цепями»⁸. Здесь происходит смешение нескольких значений понятия «воля», на первый взгляд незаметное: воля – как независимое положение, воля – как способность принимать решения и воля – как разгул. Слово «узы» – также многозначное, получающее в зависимости от контекста

³ Этот метод прямо противоположен методу «козеллековской» истории понятий, которая констатировала смену исторических эпох, наблюдая за словоупотреблением и объявляя именно понятие фактором и индикаторам исторического процесса. Ср. введение Райнхарта Козеллека к «Словарю основных исторических понятий»: «При изучении той или иной эпохи никакое историческое исследование не может обойтись без обсуждения ее языка и самоистолкования. В определенном смысле можно сказать, что весь язык источников изучаемого периода представляет собой одну большую метафору той истории, которую хочет познать историк» (Козеллек Р. Введение // Словарь основных исторических понятий: Избр. ст.: в 2 т. Т. 1 / Пер. с нем.: К. Левинсон; сост.: Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле, М., 2014. С. 24).

⁴ Дирк Уффельманн указал на то, что попытка Федотова представить убедительную концепцию свободы, ориентированную исключительно на историю, не удалась, кроме всего прочего, еще и потому, что Федотов занимался поисками корней свободы в христианстве (Uffelmann D. Halbherzige Heterogenität. Der Freiheitsbegriff in der politischen Philosophie von G.P. Fedotov // Die Welt der Slaven. 1994. 39. H. 2. S. 325).

⁵ Федотов Г.П. Россия и свобода. С. 198.

⁶ Варзин А.В. «Свобода» в словарной фиксации XIX – начала XX в.: отражение трансформации смыслов под влиянием либеральной идеологии. С. 206.

⁷ Федотов Г.П. Россия и свобода. С. 212.

⁸ Там же. С. 198.

как положительное, так и отрицательное значение (ср. «узы рабства» vs «узы брака»), – оказывается менее стесняющим, чем социальные «цепи»; это тот минимум социализации, который не дает человеку окончательно порвать с обществом. Отказ от «социальных уз» не приводит, таким образом, еще к полному разрыву с государством.

Кроме семантических смещений происходит и смешение концептуальное. В определении Федотова проскальзывает намек на концепцию Руссо о естественном (догосударственном) состоянии человека, который не скован социальными «цепями». Таким образом, получается, что воля – это и есть возвращение в природное состояние, отказ от государства: «Воля торжествует... в уходе из общества, на степном просторе»⁹. Но природный человек Федотова оказывается не просто несвободен, а и еще более зависим¹⁰. В то же время Федотов помещает очаги воли не только вне государства, но и внутри него. Воля реализуется также «во власти над обществом, в насилии над людьми»¹¹, а это уже скорее отсылает, условно говоря, к Гоббсу: с одной стороны, природное состояние как война (в данном случае односторонняя, т. к. лишь одна часть общества вернулась в естественное состояние) а с другой – безраздельная и бесконтрольная власть (насилие) суверена над подданными. Строго говоря, речь у Федотова здесь идет скорее не о воле, а о близком к ней произволе или же беспределе как нарушении порядка свободы (ср., например, нем. Willkür, также производное от «воли»). «“Русская воля” (часто обманчиво принимаемая за подлинную свободу)» является лишь «оборотной стороной» тирании¹².

Таким образом, у Федотова намечены две оппозиции. Социум противопоставляется «степному простору», а государство – насилию. В обоих случаях под волей понимается отказ от государства. В первой оппозиции происходит отказ индивидуума от государства как организационной структуры, навязывающей ему «свою волю». Но отказ этот немотивированный, не нашедший (и не ищущий) теоретического обоснования. И если Федотов сравнивает волю с анархией: «воля, подобно анархии, невозможна в культурном общежитии»¹³, то под «анархией» – также многозначным понятием – понимается здесь не просто безгосударственное общество, а хаос и беззаконие¹⁴. Во втором случае

⁹ Федотов Г.П. Россия и свобода. С. 198.

¹⁰ Ср.: «“Человек рождается свободным, а умирает в оковах”. Нет ничего более ложного, чем это знаменитое утверждение. Руссо хотел сказать, что свобода есть природное, естественное состояние человека, которое он теряет с цивилизацией. В действительности, условия природной, органической жизни вовсе не дают оснований для свободы. В биологическом мире господствуют железные законы: инстинктов, борьбы видов и рас, круговой повторяемости жизненных процессов. Там, где все до конца обусловлено необходимостью, нельзя найти ни бреши, ни щели, в которую могла бы прорваться свобода. Где органическая жизнь приобретает социальный характер, она насквозь тоталитарна. У пчел есть коммунизм, у муравьев есть рабство, в звериной стае – абсолютная власть вожака (“вождя”))» (Федотов Г.П. Рождение свободы // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 2. СПб., 1992. С. 253).

¹¹ Федотов Г.П. Россия и свобода. С. 198.

¹² Кара-Мурза А.А. На пути к христианскому либерализму: эволюция концепции «свободы» в трудах Г.П. Федотова // Политическая концептология. 2015. № 1. С. 202.

¹³ Федотов Г.П. Россия и свобода. С. 198.

¹⁴ Ср. также отношение веховцев к народной воле как антигосударственному явлению: «В исторической душе русского народа всегда боролись заветы обители преп. Сергия и Запорожской сечи или вольницы, наполнявшей полки самозванцев, Разина и Пугачева. И эти грозные, неорганизованные, стихийные силы... с трудом преодолевались русской госу-

насилие также становится своего рода отрицанием государства, хочется добавить, правового. Тиран, узурпирующий безграничную власть над обществом, является, по определению Федотова, «вольным существом»¹⁵. Узурпация власти происходит, таким образом, в тот момент, когда правитель, каким бы законным он ни был, применяет насилие по отношению к обществу и, вступая тем самым на территорию воли – территорию безграничного пространства вне закона, – сам становится вне закона: «разбойник – это идеал московской воли, как Грозный – идеал царя»¹⁶. Говоря о свободе и воле, Федотов в первую очередь говорит о характере власти, и Иван Грозный оказывается таким же разбойником, как и Степан Разин, самым фактом насилия превращающий государство в «степной простор»¹⁷.

И если «воля» Федотова не укоренена в теории, то его «свобода» легко вписывается в рамки либерализма: «Свобода личная немислима без уважения к чужой свободе»¹⁸. Свобода не находится в борьбе ни с государством, ни с государственностью и реализуется исключительно внутри общества. Границей между свободой и волей становится уровень насилия в обществе.

Историческая концепция Г.П. Федотова о русскости воли получила и научную легитимацию. Н.Д. Арутюнова называет вслед за Федотовым именно «свободу без преград – прав, правил, норм и законов» идеалом русской свободы, получившей название «воли»¹⁹. «Стихийная сила», свойственная, по мнению Арутюновой, русской душе, способна проявиться только в условиях неограниченной свободы-воли. Но воля может находиться не только снаружи, но и внутри человека, которого «на волю толкает воля – желание, порыв или каприз». Так же как и у Федотова, определявшего волю как «возможность пожить по своей воле», уже в самом определении происходит смешение разных значений воли. «Воля внутри» оказывается не способностью делать сознательный выбор и не способностью управлять собой, а своего рода «стихийным Я», практически не оставляющим шанса для общественной кооперации: «Воля царя – произвол, воля народа – вольница, воля индивида – своеволие. Воля – это самоуправство, а не самоуправление»²⁰.

В «Толковом словаре великорусского живого языка» В.И. Даль также определяет свободу как «свою волю, простор, возможность действовать по-своему»²¹. Это определение могло бы показаться сходным с определением «воли» у Федотова и Арутюновой, если бы не следующее пояснение: «Свобода понятие сравнительное; она может относиться до простора частного,

дарственностью, полагавшей им внешние границы, сковывавшую их, но они не были ею вполне побеждены» (Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Сб. ст. о русской интеллигенции. М., 1909. С. 68).

¹⁵ Федотов Г.П. Россия и свобода. С. 198.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Истолкование действий политических лидеров в «криминальной» терминологии можно встретить и в современных публичных высказываниях. Ср., например, заметку Маши Слоним «По закону или по понятиям?» о противостоянии американских судов Дональду Трампу // URL: <http://splash.project-splash.com/posts/pozakonnu-ili-poronyatiyam/b1hcc97a830> (дата обращения: 09.12.2016).

¹⁸ Федотов Г.П. Россия и свобода. С. 198.

¹⁹ Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998. С. 813.

²⁰ Там же. С. 813.

²¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. Ч. IV. М., 1866. С. 137.

ограниченного, к известному делу относящемуся, или к разным степеням этого простора, и наконец к полному, необузданному произволу или самовольству»²². Становится понятно, что «простор» Даля не является синонимом и безусловным атрибутом воли, чем он является у Федотова, у которого воля торжествует именно на «степном просторе». Кроме того, «воля» Даля, определяемая как «данный человеку произвол действия; свобода, простор в поступках; отсутствие неволи, насильования, принуждения»²³, не то что не противопоставляется свободе, как это происходит у Федотова, она даже не особенно от нее отличается. «Произвол» – это в первую очередь «своя воля, добрая воля, свобода выбора и действия, хотенье, отсутствие принуждения», а потом уже «необузданность или деспотизм»²⁴.

Определение Далем «свободы» как простора нашло отражение в концепции Анны Вежбицкой о русской свободе как освобождении из давящей «смирительной рубашки»: «В *свободе* ощутимым образом присутствуют... коннотации “простора”, широкого, бескрайнего пространства, где можно ПОЛНОСТЬЮ вытянуться»²⁵. Но все же «простор» у Даля, помещенный к тому же в рубрику «простой» – т. е. «порожний, пустой», – это в первую очередь «простое, свободное, незанятое место», а потом уже «свобода, воля, раздолье, отсутствие всякого стеснения». Таким образом, простор – это не только «отсутствие стеснения», но это еще и отсутствие препятствий, и в этом смысле он не обязательно включает в себя пространственную характеристику бескрайности. Даль говорит о «свободе» как о сравнительном (или точнее: относительном) понятии, одновременно содержащем в себе информацию и о градусе свободности («разные степени простора»), т. е. уже по определению свобода-простор не бескрайна. Это хорошо видно из примера, приводимого Далем: «Свобода печати, отсутствие цензуры, но может быть ответ перед судом». «Отсутствие цензуры» указывает не на отсутствие границ (граница, нарушение которой чревато судом, оказывается составной частью свободы), а на отсутствие препятствий.

Если Даль пользуется свободой и волей как синонимами, то на сегодняшний момент это становится возможным лишь в тех случаях, когда «речь идет о перемещении человека из пространства, в котором он подчиняется другим людям и не может делать то, что хочет, в пространство, где другой человек или общество не создают препятствий для его действий»²⁶. Это особенно касается контекстов, связанных «с характеристикой жизни вне тюрьмы или с поэтической стилизацией»²⁷. Поэтому вполне представима ситуация, когда эти два понятия взаимозаменяются.

Г.П. Федотов умер в 1951 г., не застав ни оттепели, ни перестройки. Возможно, в перестройке он увидел бы возвращение «петербургского» периода русской истории, озаменованное ослаблением насилия над обществом и

²² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. Ч. IV. С. 137.

²³ Там же. Ч. I. М., 1863. С. 211.

²⁴ Там же. Ч. III. М., 1865. С. 445.

²⁵ Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. С. 236.

²⁶ Урысон Е.В. Свобода 1.1, воля 4.1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 3 / Под. ред. Ю.Д. Апресяна. М., 2003. С. 360.

²⁷ Варзин А.В. «Свобода» в словарной фиксации XIX – начала XX в.: отражение трансформации смыслов под влиянием либеральной идеологии. С. 206.

поворотом к свободе. В 2006 г. журнал «Знамя» провел анкетирование своих авторов и читателей «20 лет на свободе», предложив поразмышлять о том, что произошло со свободой слова в России с начала перестройки и гласности. Вопрос редакции журнала касался только литературы («как вам (и литературе) в целом на свободе живется?»)²⁸, однако участники в своих ответах выходили за рамки литературного процесса, описывая и социально-политическую ситуацию в целом. Сама постановка вопроса, отсылающая скорее к житейским проблемам и не предполагающая точных социологических выкладок, уже сама по себе задавала и определенную, субъективную оптику отвечающих, и литературность ответов. «20 лет на свободе» – метафора, автоматически включающая коннотации свободы, связанные с освобождением из тюрьмы, с которой участники опроса и в самом деле сравнивают СССР. В частности, Ольга Седакова определяет СССР как «исправительно-надзирательное заведение необозримых размеров»²⁹. В свою очередь, свобода как нахождение вне тюрьмы вызвала к жизни волю, с которой она в данном случае, как было упомянуто выше, является полным синонимом. Поэтому неудивительно, что участники опроса без какого-либо стилистического ущерба заменяют употребленную в вопросе «свободу» на «волю» и даже смешивают эти понятия: «Наша свобода (свобода вольноотпущенников)» (Михаил Айзенберг)³⁰. Многозначность понятия воли вызывает и другие коннотации, входящие в ее семантическое поле: «У здешней свободы всегда “короткое дыхание”». В отличие от западной она не традиция, что развивается и эволюционирует, а пир, прорыв, взрыв, революция, бунт» (Семен Файбисович)³¹. Здесь происходит уже прямой концептуальный подлог: свобода описывается при помощи значений, присущих скорее воле, по крайней мере, той, которую описывает Г.П. Федотов. «Свобода-воля» понимается как (преступный) разгул, что подкрепляется ощущением неизбежного наказания: «В.В. Биbihин еще в начале 90-х говорил, что за такие лукулловы пиры за чужой счет придется расплачиваться. Что нам будет стыдно за такое употребление свободы» (Ольга Седакова)³². Таким образом, «свобода-воля» опять же отсылает к определенной модели поведения: «После освобождения на первом плане, на общественной сцене показалось не высокое племя людей, а совсем другие вещи. Вели себя, как вольноотпущенники» (Ольга Седакова)³³. «Вольноотпущенник» здесь понятие оценочное, это не просто человек, отпущенный на волю, а человек с неприличным поведением, свойственным «вольным» людям. Свобода, обернувшаяся волей – «лукулловыми пирами (за чужой счет)» – безмерной расточительностью, переходом границ дозволенного, отклонилась от нормы, которая, по мнению А.Д. Кошелева, лежит в основе свободы³⁴. Границей, отделяющей свободу от воли, понимаемой если не как не-свобода, то по крайней мере как неправильная свобода, оказывается чувство меры – свойство свободы, обычно не фиксируемое словарями.

²⁸ 20 лет на свободе // Знамя. 2006. № 6. С. 129.

²⁹ Там же. С. 130.

³⁰ Там же. С. 129.

³¹ Там же. С. 140.

³² Там же. С. 131.

³³ Там же.

³⁴ Кошелев А.Д. К эксплицитному описанию концепта «свобода» // Логический анализ языка. Культурные концепты / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 1991. С. 63.

Безграничная свобода – «море разлитое свободы» (Сергей Гандлевский)³⁵, та же «стихийная сила», о которой говорила Н.Д. Арутюнова, – открывала новые возможности, которыми, по мнению Сергея Гандлевского, все же невозможно (точнее, даже неприлично) безгранично пользоваться: «Я, в меру отпущенной мне совестливости, пользовался и продолжаю пользоваться новыми возможностями» (Сергей Гандлевский)³⁶. Границей, отделяющей свободу от «разлитого моря» воли, выступает в данном случае «совестливость»; непомерное использование всех открывшихся возможностей грозит «безвкусицей». И Гандлевский испытывает «чуть ли не личную неловкость за демократов», своим «безвкусным» поведением нарушивших границу свободы. «Море разлитое» свободы, если ею неправильно пользоваться, может обернуться «мутной водой»: «Очиститься от прошлого не удалось (да всерьез и не пытались), и новое время добавило новой грязи и новой жестокости. И эта мутная вода покрыла все то, что втайне делалось в подневольные годы, всю подготовительную работу свободы, которая происходила в неподцензурной словесности, в искусстве, в гуманитарной мысли, в начавшемся при атеистическом терроре христианском возрождении»³⁷.

«Мутная вода» бескультурной (или масскультурной) постперестроечной воли затопила пространство свободы, сведя на нет «всю подготовительную работу свободы», т. е. усилия по ее завоеванию «в подневольные годы» в «высокой» культуре³⁸. Михаил Холмогоров определяет поведение постсоветских читателей как «первый шокирующий удар свободы, к которому, думаю, мало кто был готов: оказывается, свобода слова – не только свобода говорить, а свобода слушать»³⁹. «Свобода слушать», выраженная в определенном, неприличном поведении читателей, оказывается на самом деле не свободой, а волей: «[Ч]итатель, только что с восторгом глотавший “Чевенгур”, “Жизнь и судьбу”, “Собачье сердце”, “Приглашение на казнь”, вдруг потянулся за “Блюхером и милордом глупым”⁴⁰»⁴¹. Таким образом, граница между свободой и волей проходит по линии, отделяющей массовую культуру от «высокой».

³⁵ 20 лет на свободе. С. 132.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. 31.

³⁸ Ср. также высказывание Ю.Д. Левина, противопоставившего «духовно-насыщенную» атмосферу доперестроечной неофициальной филологии «”разгулу” перестройки»: «Разгул гласности и разрешенности, начавшийся в 1986 году, полностью изменил эту атмосферу» (Левин Ю. Почему я не буду делать доклад о Мандельштаме // Русская мысль. 1991. № 3889. С. 14). «Разгул» – это слово, коннотированное негативно (разгул преступности, пьяный разгул) и относящееся скорее к семантическому полю «воли».

³⁹ 20 лет на свободе. С. 145.

⁴⁰ См.: «Кому на Руси жить хорошо» Н.А. Некрасова: «Эх! эх! придет ли времечко, / Когда (приди, желанное!..) / Дадут понять крестьянину, / Что розь портрет портретику, / Что книга книге розь? / Когда мужик не Блюхера / И не милорда глупого – / Белинского и Гоголя / С базара понесет?» (Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Т. 5. Л., 1982. С. 35).

⁴¹ 20 лет на свободе. С. 145. Ср. в этом смысле также наблюдение Исаяи Берлина, сделанное осенью 1945 г. в СССР: «Жесткая цензура, которая, наряду с массой всего остального, запрещала порнографию, макулатуру и низкопробные детективы того пошиба, что заполняют вокзальные прилавки на Западе, способствовала тому, что восприятие советских читателей и зрителей стало чище, непосредственнее и наивнее, чем наше» (Берлин И. Встречи с русскими писателями (1945 и 1956) / Пер. с англ. О. Ронена, Д. Сегала, Е. Толстой-Сегал // Берлин И. История свободы. М., 2014. С. 431).

Многозначность понятий свободы и воли требует в каждом отдельном случае задаться вопросом, какую свободу и какую волю подразумевает автор. Многозначность понятия свободы нередко накладывается на многозначность понятия воли⁴², размывая и без того ветхие границы между ними, и это только запутывает дело. Сложность усугубляется еще и тем, что свобода и воля могут употребляться как синонимы (отпустить узника на свободу/на волю), а могут выступить и антонимами, как это происходит в статье Федотова «Россия и свобода».

Разговор о свободе может незаметно подменяться разговором о воле как определенной антисоциальной/антикультурной модели поведения. Свобода тем самым становится в большей мере этической/эстетической категорией. Перефразируя Гезали (героя одноименного рассказа Исаака Бабеля), можно сказать: свобода – это хорошее дело для хороших людей. «Дарованная сверху» свобода воспринимается не как настоящая свобода, а как навязывание чужой воли и в какой-то степени оказывается продолжением тирании.

Список литературы

- 20 лет на свободе // Знамя. 2006. № 6. С. 129–150.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Яз. рус. культуры, 1998. 896 с.
- Берлин И. Встречи с русскими писателями (1945 и 1956) / Пер. с англ. О. Ронена, Д. Сегала, Е. Толстой-Сегал // Берлин И. История свободы. М.: НЛЮ, 2014. С. 422–498.
- Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Сб. ст. о русской интеллигенции. М., 1909. С. 27–73.
- Варзин А.В. «Свобода» в словарной фиксации XIX – начала XX века: отражение трансформации смыслов под влиянием либеральной идеологии // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 206–212.
- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Яз. славян. культуры, 2001. 288 с.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. Ч. I, III–IV. М., 1863, 1865–1866.
- Кара-Мурза А.А. На пути к христианскому либерализму: эволюция концепции «свободы» в трудах Г.П. Федотова // Политическая концептология. 2015. № 1. С. 187–208.
- Кошелев А.Д. К эксплицитному описанию концепта «свобода» // Логический анализ языка. Культурные концепты / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Наука, 1991. С. 61–64.
- Козеллек Р. Введение // Словарь основных исторических понятий: Избр. ст.: в 2 т. Т. 1 / Пер. с нем.: К. Левинсон; сост.: Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле. М.: НЛЮ, 2014. С. 23–44.
- Левин Ю. Почему я не буду делать доклад о Мандельштаме // Русская мысль. 1991. № 3889. С. 14.
- Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Т. 5. Л.: Наука, 1982. 687 с.
- Урысон Е.В. Свобода 1.1, воля 4.1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 3 / Под. ред. Ю.Д. Апресяна. М.: Яз. славян. культуры, 2003. 624 с.

⁴² Нагляднее всего многозначность словоупотребления «свободы» и «воли» проявляется на дериватах: ср., например, свободный человек – свободный мужчина/свободная женщина; вольный город – вольный дом.

Федотов Г.П. Россия и свобода // Новый журн. Нью-Йорк, 1945. № 10. С. 189–213.
 Федотов Г.П. Рождение свободы // Судьба и грехи России: в 2 т. Т. 2. СПб.: София, 1992. С. 253–275.

Uffelman D. Halbherzige Heterogenität. Der Freiheitsbegriff in der politischen Philosophie von G.P. Fedotov // Die Welt der Slaven. 1994. Nr. 39. H. 2. S. 323–343.

On the Limits of Freedom

Svetlana Kirshbaum

Dr. phil. Research Fellow, Departement of Slavic Studies / Lotman Institute for Russian Culture at the Ruhr University Bochum, Germany, Universitätsstr. 150, 44780 Bochum, Deutschland, e-mail: svetlana.kirschbaum@rub.de

The question of the limits of freedom can be asked not only in philosophical, but also in linguistic terms. Freedom has many meanings, and its limits can be identical to dividing lines between different interpretations of this concept and its synonyms. Dictionaries try to develop clear-cut distinctions between diverging definitions, but in practice everything is more complex. The strict lexical and semantic order of dictionaries can be disturbed, definitions can be mixed or substituted for one another. Svoboda and volia represent just such a case. There is practically no difference between these two concepts in “Explanatory dictionary” of V.I. Dal’. However, G.P. Fedotov in his essay “Russia and Liberty” draws a sharp distinction between svoboda and volia, turning them into antonyms. Volia assumes negative connotations, and its alleged Russianness became a starting point for reflections about Russian freedom in cognitive linguistics. If for Dal’ svoboda and volia are almost synonyms, modern dictionaries acknowledge their overlap only at one point – when staying out of prison is concerned. Through this loophole, however, these concepts can intrude on each other’s territory, and svoboda can be substituted for volia. In my essay, I will track relationships, balances and interpenetrations of the concepts svoboda and volia resulting – as it seems – in their interchangeability in the Russian public discourse.

Keywords: freedom, polysemy, society, power, violence

References

“20 let na svobode” [20 Years at Large], *Znamya*, 2006, Vol. 6, pp. 129–150. (In Russian)
 Arutyunova, N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the World of the Person]. Moscow: Yazyki russkoi kul’tury Publ., 1998. 896 pp. (In Russian)

Berlin, I. “Vstrechi s russkimi pisatelyami (1945 i 1956)” [Meetings with Russian Writers in 1945 and 1956], trans. by O. Ronen, D. Segal, E. Tolstaya-Segal, in: I. Berlin, *Istoriya svobody* [History of Liberty]. Moscow: NLO, 2014, pp. 422–498. (In Russian)

Bulgakov, S. N. “Geroizm i podvizhnichestvo” [Heroism and Asceticism], in: *Vekhi. Sbornik statei o russkoi intelligentsii* [Landmarks: A Collection of Articles about the Russian Intelligentsia]. Moscow, 1909. pp. 27–73. (In Russian)

Dal’, V. I. *Tolkovyi slovar’ zhivogo velikorusskogo yazyka, 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language, 4 vols.], vol. I, III–IV. Moscow, 1863, 1865–1866. (In Russian)

Fedotov, G. P. “Rossiya i svoboda” [Russia and Freedom], *Novyi zhurnal*. New York, 1945. No. 10. pp. 189–213. (In Russian)

Fedotov, G. P. “Rozhdenie svobody” [The Birth of Freedom], in: G. P. Fedotov, *Sud’ba i grekhi Rossii* [Destiny and Sins of Russia], vol. 2. St. Petersburg: Sophia, Publ., 1992. pp. 253–275. (In Russian)

Kara-Murza, A. A. "Na puti k khristianskomu liberalizmu: evolyutsiya kontseptsii «svobody» v trudakh G. P. Fedotova" [On the Way to Christian Liberalism: Evolution of the Concept of «Freedom» in G. P. Fedotov's Works], *Politicheskaya kontseptologiya*, 2015, Vol. 1, pp. 187–208. (In Russian)

Koshelev, A. D. "K eksplitsitnomu opisaniyu kontsepta «svoboda»" [To the Explicit Description of the Concept «Freedom»], in: *Logicheskii analiz yazyka. Kul'turnye kontsepty* [Logical Analysis of Language. Cultural Concepts], ed. by N. D. Arutyunova. Moscow: Nauka Publ., 1991, pp. 61–64. (In Russian)

Kozellek, R. "Vvedenie" [Introduction], trans. by K. Levinson, in: *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatii: Izbrannye stat'i, 2 t.* [Dictionary of the Basic Historical Concepts: Selected Articles, 2 vols.], ed. by Yu. Zaretskii, K. Levinson, I. Shirle. Moscow: NLO, 2014. pp. 23–44. (In Russian)

Levin, Yu. "Pochemu ya ne budu delat' doklad o Mandel'shtame" [Why I Will not Make a Report on Mandelstam], *Russkaya mysl'*, 1991, Vol. 3889, p. 14. (In Russian)

Nekrasov, N. A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and Letters], vol. 5. Leningrad: Nauka Publ., 1982. 687 pp. (In Russian)

Uryson, E. V. "Svoboda 1.1, volya 4.1" [Freedom], in: *Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Synonyms of Russian]. Third edition, ed. by Yu. D. Apresyan. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003. 624 pp. (In Russian)

Uffelmann, D. "Halbherzige Heterogenität. Der Freiheitsbegriff in der politischen Philosophie von G. P. Fedotov", *Die Welt der Slaven*, 1994, Vol. 39/2, pp. 323–343.

Varzin, A. V. "«Svoboda» v slovarnoi fiksatsii XIX – nachala XX veka: otrazhenie transformatsii smyslov pod vliyaniem liberal'noi ideologii" ["Freedom" in Dictionaries of 19th – Beginning of the 20th Century: Reflection of the Transformation of Meanings under the Influence of Liberal Ideology], *Politicheskaja lingvistika*, 2011, Vol. 1 (35), pp. 206–212. (In Russian)

Vezhbitskaya, A. *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding Cultures Through Their Key Words]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001. 288 pp. (In Russian)